

СКОТТ Р.

ЭКСПЕДИЦИЯ К ЮЖНОМУ
ПОЛЮСУ. 1910—1912 ГГ.

ТОМ 1

ПУТЕШЕСТВИЯ ВОКРУГ СВЕТА

Путешествия вокруг света

Роберт Фалкон Скотт

**Экспедиция к Южному
полюсу. 1910–1912 гг. Том 1**

«Алисторус»

1910-1912

УДК 82/992
ББК 26.89(4Вл)

Скотт Р.

Экспедиция к Южному полюсу. 1910–1912 гг. Том 1 / Р. Скотт — «Алисторус», 1910-1912 — (Путешествия вокруг света)

ISBN 978-5-486-02670-6

Роберт Фолкон Скотт (1868–1912) – английский полярный исследователь. В 1898 г. возглавил первую национальную экспедицию в Антарктиду. Он не имел ни малейшего полярного опыта, но был настойчив, целеустремлен, честолюбив. Проведя в Антарктиде две зимы, экспедиция вернулась на родину с триумфом. Они открыли полуостров Эдуарда VII, Трансарктические горы, шельфовый ледник Росса, исследовали Землю Виктории. Скотт получил звание капитана 1-го ранга, служил некоторое время помощником начальника военно-морской разведки, командовал линкорами «Викториэс», «Альбемерлен». Но свое будущее он уже навсегда связал с Антарктидой. В конце 1911 г. туда отправилась новая экспедиция под руководством Скотта, главной целью которой было достижение Южного полюса. 18 января 1912 г. ценой нечеловеческих усилий англичане достигли полюса, но при этом оказалось, что норвежская экспедиция Р. Амундсена опередила их на 33 дня. На обратном пути Скотт и четыре его спутника погибли, не дойдя до своего лагеря всего около 20 км. Их тела лежат в толще ледника Антарктиды, а на месте гибели установлен крест с эпитафией: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». В первый том данного издания включены начальные главы из подлинного дневника Роберта Скотта – документа, являющегося настоящим памятником человеческому мужеству.

УДК 82/992
ББК 26.89(4Вл)

ISBN 978-5-486-02670-6

© Скотт Р., 1910-1912
© Алисторус, 1910-1912

Содержание

Борьба за Южный полюс	6
Борьба за землю	7
Скотт	8
Антарктический университет	9
Поход к полюсу	11
Южный полюс	13
Шестнадцатое января	14
Гибель	15
Письма умирающего	17
Ответ	18
Глава I	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роберт Фолкон Скотт
Экспедиция к Южному полюсу.
1910–1912 гг.: в 2 томах. Том 1
(Дневники капитана Скотта; гл. I – X)

Борьба за Южный полюс

(Капитан Скотт, 90° широты, 16 января 1912 года)

Борьба за землю

Двадцатый век взирает на мир, лишенный тайн. Все страны исследованы, отдаленнейшие моря бороздят корабли. Области, еще поколение тому назад дремавшие в блаженной неизвестности, наслаждаясь свободой, рабски служат теперь нуждам Европы; к самым истокам Нила, которых искали так долго, устремляются пароходы; водопад Виктория, впервые полвека тому назад открывшийся взору европейца, послушно вырабатывает электрическую энергию; последние дебри – леса Амазонки – порублены, и пояс единственной девственной страны – Тибета – развязан.

На старых картах и глобусах слова «Terra incognita»¹ исчезли под надписями сведущих людей; человек двадцатого века знает свою планету. Пытливая мысль в поисках новых путей уже принуждена спускаться к причудливым тварям морских глубин или возноситься в бескрайние просторы неба. Нехоженными остались лишь воздушные дороги, но уже взмывают в поднебесье, обгоняя друг друга, стальные птицы, устремленные к новым высям, новым далям, ибо решены все загадки и почва земного любопытства истощилась.

Но одну тайну земля стыдливо скрывала от человеческого взора вплоть до нашего столетия – два крошечных местечка своего истерзанного, изувеченного тела уберегла она от алчности собственных созданий. Северный и Южный полюсы, две почти не существующие, почти невещественные точки, два конца оси, вокруг которых она вращается тысячелетиями, она сохранила нетронутыми, незапятнанными. Ледяными громадами прикрывала она эту последнюю тайну, вечную зиму поставила на страже ее в защиту от людской жадности. Мороз и вихри властно заграждают вход, ужас и смертельная опасность отгоняют смельчаков. Лишь солнцу дано окидывать беглым взором эту твердыню, человеку же – не дозволено.

Десятки лет одна экспедиция сменяет другую. Ни единая не достигает цели. Где-то, в лишь недавно открытом ледяном хрустальном гробу, тридцать три года покоится тело шведского инженера Андре, храбрейшего из храбрых, того, кто хотел на воздушном шаре подняться над полюсом и не вернулся. Все попытки разбиваются о сверкающие ледяные стены. Тысячелетия, вплоть до наших дней, земля здесь скрывает свой лик, в последний раз победоносно отражая яростный натиск смертных. В девственной чистоте хранит она свою тайну от любопытного мира.

Но юный двадцатый век в нетерпении простирает руки. Он выковал в лабораториях новое оружие, изобрел новые доспехи; препятствия только разжигают его страсть. Он хочет знать всю правду, и уже первое его десятилетие хочет завоевать то, чего не могли завоевать тысячелетия. К мужеству отдельных смельчаков присоединяется соперничество наций. Не только за полюс борются они, но и за честь флага, которому суждено первому развеяться над новооткрытой землей; начинается крестовый поход всех племен и народов за овладение освященных пламенным желанием мест. На всех материках снаряжаются экспедиции. Нетерпеливо ждет человечество, ибо оно уже знает: бой идет за последнюю тайну жизненного пространства. Из Америки к Северному полюсу направляются Кук и Пири; на юг идут два корабля: один ведет норвежец Амундсен, другой – англичанин, капитан Скотт.

¹ Неизвестная земля (лат.).

СКОТТ

Скотт – капитан английского флота, один из многих; его биография совпадает с послужным списком: добросовестно исполнял свои обязанности, чем снискал одобрение начальников, участвовал в экспедиции Шеклтона. Ни подвигов, ни особенного геройства не отмечено. Его лицо, судя по фотографиям, ничем не отличается от тысячи, от десятка тысяч английских лиц: холодное, волевое, спокойное, словно изваянное затаенной энергией. Серые глаза, плотно сжатые губы. Ни одной романтической черты, ни проблеска юмора в этом лице, только железная воля и практический здравый смысл. Почерк – обыкновенный английский почерк без оттенков и без завитушек, быстрый, уверенный. Его слог – ясный и точный, выразительный в описании фактов и все же сухой и деловитый, словно язык рапорта. Скотт пишет по-английски, как Тацит по-латыни, – неотесанными глыбами. Во всем проглядывает человек без воображения, фанатик практического дела, а следовательно, истый англичанин, у которого, как у большинства его соотечественников, даже гениальность укладывается в жесткие рамки исполнения долга. Английская история знает сотни таких Скоттов: это он покорил Индию и безыменные острова Архипелага, он колонизировал Африку и воевал во всем мире с той же неизменной железной энергией, с тем же сознанием общности задач и с тем же холодным, замкнутым лицом.

Но как сталь тверда его воля; это обнаруживается еще до совершения подвига. Скотт намерен закончить то, что начал Шеклтон. Он снаряжает экспедицию, но ему не хватает средств. Это его не останавливает. Уверенный в успехе, он жертвует своим состоянием и влезает в долги. Жена дарит ему сына, но он, подобно Гектору, не задумываясь, покидает свою Андромаху. Друзья и товарищи вскоре найдены, и ничто земное уже не может поколебать его волю. «Терра Нова»² называется странный корабль, который должен доставить его на край Ледовитого океана, – странный потому, что он, словно Ноев ковчег, полон всякой живности, и вместе с тем это лаборатория, снабженная книгами и тысячью точнейших приборов. Ибо в этот пустынный, необитаемый мир нужно везти с собой все, что требуется человеку для нужд тела и запросов духа, и удивительно сочетаются на борту предметы первобытного обихода – меха, шкуры, живой скот – с самым сложным, отвечающим последнему слову науки, оборудованием. И та же поразительная двойственность, что и корабль, отличает и само предприятие: приключение – но обдуманное и взвешенное, как коммерческая сделка; отвага – но в соединении с искуснейшими мерами предосторожности; точное предвидение всех деталей перед лицом непредвиденных случайностей.

1 июня 1910 года экспедиция покидает Англию. В эту летнюю пору англосаксонский остров сияет красотой. Сочной зеленью покрыты луга, солнце изливает тепло и свет на ясный, не омраченный туманом мир. С грустью смотрят мореплаватели на скрывающийся из глаз берег, ведь они знают, что на годы, быть может, навсегда прощаются с теплом и солнцем. Но вверху на мачте развевается английский флаг, и они утешают себя мыслью, что эта эмблема их мира вместе с ними плывет к единственному еще не завоеванному клочку покоренной Земли.

² «Новая Земля» (лат.).

Антарктический университет

В январе они причаливают, после кратковременного отдыха в Новой Зеландии, у края вечного льда и сооружают дом для зимовки. Декабрь и январь считаются там летними месяцами, потому что это единственное время в году, когда солнце несколько часов в день сияет на свинцово-белом небе. Стены дома сложены из бревен, как на стоянках прежних экспедиций, но внутри дома чувствуются веяние нового века, успехи нового века. Если раньше зимовщики сидели в полутьме, при коптящих, воняющих ворванью фонарях и с тоской глядели друг на друга, утомленные однообразием бессолнечных дней, то эти люди двадцатого столетия владеют в своих четырех стенах всем миром в миниатюре, всеми достижениями науки. Ацетиленовые горелки излучают яркий свет, киноаппарат воссоздает, словно по волшебству, пейзажи дальних стран, картины тропической природы, пианола воспроизводит музыку, граммофон – человеческий голос, библиотека предоставляет знания. В одной из комнат стучит пишущая машинка, в другой, темной – проявляют пленку и цветные фотографические снимки. Геолог испытывает радиоактивность минералов, зоолог обнаруживает новый вид паразитов у пойманных пингвинов, метеорологические наблюдения сменяются физическими опытами; всем участникам экспедиции поручена работа на время темных месяцев, и благодаря разумной системе личный опыт каждого становится общим достоянием. Ибо эти тридцать человек ежедневно читают друг другу среди паковых льдов и полярной стужи университетские лекции, каждый силится передать свои знания другому, и в оживленном обмене мыслями расширяется их видение мира. Узкоспециальные науки не замыкаются в высокомерном одиночестве, а ищут понимания в совместном устремлении вперед. Затерянные в бескрайнем первобытном мире, вне времени и пространства, тридцать человек обмениваются между собой последними достижениями двадцатого века, и здесь, в этих стенах, люди не отстают ни на час, ни на секунду от движения мира. Трогательно читать, как эти суровые люди, ученые, радуются рождественской елке, забавляются шутками «South Pol Times»³, издаваемого ими юмористического листка, как все малое – всплывший кит, поскользнувшаяся лошадь – превращается в событие и, с другой стороны, все непостижимо огромное – сполохи, лютый мороз, чудовищное одиночество – становится повседневным и привычным.

Между тем они отваживаются на небольшие вылазки. Они испытывают аэросани, учатся ходить на лыжах, дрессируют собак. Они готовят запасы для большого путешествия, но медленно, медленно обрываются листки календаря, и далеко еще до лета (до декабря), когда корабль проберется к ним сквозь паковый лед с письмами из дому. Но уже сейчас, в разгар зимы, они небольшими отрядами совершают для закалки короткие переходы, испытывают палатки, проверяют опыты. Не все удается им, но препятствия лишь разжигают их пыл. Когда они, усталые и продрогшие, возвращаются на стоянку, их встречают радостными криками и теплом очага, и эта уютная хижина на семьдесят седьмом градусе широты после нескольких дней лишений кажется им лучшим в мире жилищем.

Но вот возвратилась с запада одна из экспедиций, и от принесенной ею вести в доме водворяется угрюмая тишина. В своих странствиях путники наткнулись на зимовку Амундсена, и внезапно Скотт понимает, что, помимо мороза и опасности, есть еще противник, который оспаривает у него первенство и может раньше его вырвать тайну строптивой земли. Он сверяет по карте; в записях его слышится тревога, с какой он обнаружил, что стоянка Амундсена на сто десять километров ближе к полюсу, чем его. Он потрясен, но не теряет мужества. «Вперед, во славу отчизны!» – пишет он горделиво в своем дневнике.

³ «Южнополярная Таймс» (англ.).

Это единственное упоминание об Амундсене в дневнике. Больше его имя не встречается. Но нет сомнений, что с того дня мрачная тень упала на одинокий бревенчатый дом во льдах и что это имя ежечасно, во сне и наяву, тревожит его обитателей.

Поход к полюсу

В расстоянии мили от хижины на возвышении установлен наблюдательный пост. Там, на крутом пригорке, одиноко, точно пушка, наведенная на незримого врага, стоит аппарат для измерения первых тепловых колебаний приближающегося солнца. Целыми днями поджидают они его появления. На утреннем небе уже играют яркие чудесные отблески, но солнечный диск пока еще не подымается над горизонтом. Этот отраженный свет, предвещающий появление долгожданного светила, разжигает их нетерпение, и наконец в хижине раздается телефонный звонок, и с наблюдательного поста сообщают, что солнце взошло, впервые после многих месяцев оно подняло свою главу в полярной ночи. Его свет еще слаб и бледен, его лучи едва-едва согревают морозный воздух, едва-едва колеблются стрелки измерительного прибора, но один вид солнца – уже огромное счастье. В лихорадочной спешке снаряжается экспедиция, чтобы не потерять ни минуты этой короткой светлой поры, знаменующей и весну, и лето, и осень, хотя по нашим умеренным понятиям это все еще суровая зима. Впереди летят аэросани. За ними нарты, запряженные собаками и сибирскими лошадками. Дорога предусмотрительно разделена на этапы; через каждые два дня пути сооружается склад, где оставляют для обратного путешествия одежду, продовольствие и самое важное – керосин, конденсированное тепло, защиту от нескончаемых морозов. Они выступают в поход все вместе, но будут возвращаться по очереди, отдельными группами, для того чтобы последнему маленькому отряду – избранникам, которым суждено завоевать полюс, – осталось как можно больше припасов, самые свежие собаки и лучшие нарты. План похода мастерски разработан, даже неудачи предусмотрены. И, конечно, в них нет недостатка. После двух дней пути ломаются аэросани, их бросают как лишний балласт. Лошади также не оправдали надежд, но на этот раз живая природа торжествует над техникой, ибо обессиленных лошадей пристреливают, и они дают собакам питательный корм, укрепляющий их силы.

1 ноября 1911 года участники экспедиции разбиваются на отряды. На снимках запечатлен этот удивительный караван: сперва тридцать путников, потом двадцать, десять, и, наконец, только пять человек двигаются по белой пустыне мертвого первобытного мира. Впереди всегда идет один, похожий на дикаря, закутанный в меха и платки, из-под которых виднеются только борода и глаза; рука в меховой рукавице держит повод лошади, которая тащит тяжело нагруженные сани; за ним – второй, в таком же одеянии и такой же позе, за ним третий, – двадцать черных точек, вытянувшихся извилистой линией по бескрайней слепящей белизне. Ночью они зарываются в палатки, возводят снежные валы для защиты лошадей от ветра, а утром снова пускаются в однообразный и безотрадный путь, вдыхая ледяной воздух, впервые за тысячелетия проникающий в человеческие легкие.

Трудности множатся. Погода стоит хмурая, вместо сорока километров они покрывают иногда лишь тринадцать, а между тем каждый день драгоценен, с тех пор как им известно, что кто-то невидимо для них продвигается по белой пустыне к той же цели. Любая мелочь грозит опасностью. Сбежала собака, лошадь отказывается от корма – все это вызывает тревогу, потому что в этом одиночестве обычные ценности приобретают иное, новое значение. Все, что помогает сохранить человеческую жизнь, драгоценно, незаменимо. От состояния копыт одной лошади зависит, быть может, слава; облачное небо, пурга могут помешать бессмертному подвигу. К тому же здоровье путников ухудшается; одни страдают снежной слепотой, у других отморожены руки или ноги; лошади, которым приходится уменьшать корм, слабеют день ото дня, и наконец, в виду глетчера Вирдмора, силы окончательно изменяют им. Тяжкий долг умерщвления этих стойких животных, ставших за два года совместной жизни вдали от мира друзьями, которых каждый знал по имени и не раз награждал ласками, должен быть исполнен. «Лагерь бойни» назвали это печальное место. Часть экспедиции отправляется в обратный

путь, остальные собирают все силы для последнего мучительного перевала через глетчер, через грозный вал, опоясывающий полюс, который может одолеть лишь жаркое пламя человеческой воли.

Все медленнее продвигаются они, ибо наст здесь неровный, зернистый и нарты приходится не тянуть, а тащить. Острые льдины прорезают полозья, ноги изранены от ходьбы по сухому, льдистому снегу. Но они не сдаются: 30 декабря достигнут восемьдесят седьмой градус широты, крайняя точка, до которой дошел Шеклтон. Здесь последний отряд должен вернуться, только пяти избранным дозволено идти к полюсу. Скотт отбирает людей. Никто не осмеливается перечить ему, но всем тяжело так близко от цели поворачивать обратно и уступить товарищам славу первыми увидеть полюс. Но выбор сделан. Еще раз пожимают они друг другу руки, мужественно скрывая волнение, и расходятся в разные стороны. Два маленьких, едва заметных отряда двинулись – один к югу, навстречу неизвестности, другой к северу, на родину. Те и другие много раз оглядываются, чтобы еще в последнюю минуту ощутить живое присутствие друзей. Вот уже скрылся из виду отряд возвращающихся. Одиноким продолжают путь в неведомую даль пять избранных: Скотт, Бауэрс, Отс, Уилсон и Эванс.

Южный полюс

Тревожнее становятся записи в эти последние дни; они трепещут, как синяя стрелка компаса, приближаясь к полюсу. «Как бесконечно долго ползут тени вокруг нас, выдвигаясь вперед с правой стороны, потом опять ускользая налево!» Но отчаяние сменяется надеждой. Все с большим волнением отмечает Скотт пройденное расстояние: «Еще только сто пятьдесят километров до полюса; но если не станет легче, мы не выдержим», – пишет он в изнеможении. Через два дня: «Сто тридцать семь километров до полюса, но они достанутся нам нелегко». И вдруг: «Осталось всего лишь девяносто четыре километра до полюса. Если мы и не доберемся, мы все же будем до черта близко!» 14 января надежда становится уверенностью. «Только семьдесят километров, мы у цели». На следующий день – торжество, ликование; почти весело пишет он: «Еще каких-нибудь жалких пятьдесят километров; дойдем, чего бы это ни стоило!» За душу хватают эти лихорадочные записи, в которых чувствуется напряжение всех сил, трепет нетерпеливого ожидания. Добыча близка, руки уже тянутся к последней тайне земли. Еще один последний бросок – и цель достигнута.

Шестнадцатое января

«Приподнятое настроение» – отмечено в дневнике. Утром они выступают раньше обычного, нетерпение выгнало их из спальных мешков; скорее, скорее увидеть своими глазами великую грозную тайну. Четырнадцать километров проходят в полдня по бездушной белой пустыне пятеро неустрашимых: они веселы, цель близка, подвиг во славу человечества почти свершен. Внезапно беспокойство охватывает одного из путников – Бауэрса. Горящим взором впивается он в едва заметную точку, чернеющую среди необъятных снежных просторов. У него не хватает духа высказать свою догадку, но у всех сердце сжимается от страшной мысли: быть может, это дорожная веха, поставленная человеческой рукой. Они силятся рассеять свои страхи. Пытаются уверить себя – подобно Робинзону, который, заметив на необитаемом острове чужие следы, внушал себе, что это отпечатки его собственных ног, – что они видят трещину во льду или, быть может, какую-то тень. Дрожа от волнения, подходят они ближе, все еще стараясь обмануть друг друга, хотя все уже знают горькую правду: норвежцы, Амундсен опередил их.

Вскоре последняя надежда разбивается о непреложный факт: черный флаг, прикрепленный к поворотному шесту, развевается над чужой, покинутой стоянкой; следы полозьев и собачьих лап рассеивают все сомнения – здесь был лагерь Амундсена. Свершилось неслыханное, непостижимое: полюс Земли, тысячелетиями безлюдный, тысячелетиями, быть может, с начала начал, недоступный взору человеческому, – в какую-то молекулу времени, на протяжении месяца открыт дважды. И они опоздали – из миллионов месяцев они опоздали на один-единственный месяц, они пришли вторыми в мире, для которого первый – все, а второй – ничто! Напрасны все усилия, нелепы перенесенные лишения, безумны надежды долгих недель, месяцев, лет. «Все труды, все лишения и муки – к чему? – пишет Скотт в своем дневнике. – Пустые мечты, которым теперь настал конец». Слезы выступают у них на глазах, несмотря на смертельную усталость, они не могут уснуть. Уныло, в угрюмом молчании, точно осужденные, делают они последний переход к полюсу, который надеялись так победно завоевать. Никто никого не пытается утешить; безмолвно бредут они дальше. 18 января капитан Скотт со своими четырьмя спутниками достигает полюса. Надежда первым совершить подвиг уже не ослепляет его, и он равнодушным взглядом оценивает безотрадный ландшафт. «Ничего для глаза, ничего, что бы отличалось от ужасающего однообразия последних дней», – вот все, что написано о полюсе Робертом Ф. Скоттом. Единственное, что останавливает их внимание, создано не природой, а вражеской рукой: палатка Амундсена с норвежским флагом, спесиво развевающимся на отвоеванной человечеством крепости. Они находят письмо конкистадора к тому неизвестному, кто вторым ступит на это место, с просьбой переслать его норвежскому королю Гакону. Скотт берет на себя исполнение тягчайшего долга: свидетельствовать перед человечеством о чужом подвиге, которого страстно желал для себя.

Печально водружают они «опоздавший английский флаг» рядом со знаменем победы Амундсена. Потом покидают «место, предавшее их надежды», – холодный ветер дует им вслед. С вещим предчувствием пишет Скотт в своем дневнике: «Страшно подумать об обратном пути».

Гибель

Возвращение сопряжено с удесятеренной опасностью. Дорогу к полюсу указывал компас. Теперь, на обратном пути, самое главное – не потерять собственного следа, и это в течение многих недель, чтобы не уклониться в сторону от складов, где их ждет пища, одежда и тепло, заключенное в нескольких галлонах керосина. И тревога охватывает их каждый раз, когда снежный вихрь застилает глаза, ибо один неверный шаг равносителен смерти. К тому же нет уже прежней бодрости; выступая в поход, они были заряжены энергией, накопленной в тепле и изобилии их антарктической родины.

И еще: стальная пружина воли ослабла. В походе к полюсу их окрыляла великая надежда осуществить заветную мечту всего мира; сознание бессмертного подвига придавало им нечеловеческие силы. Теперь же они борются только за спасение своей жизни, за свое брэнное существование, за бесславное возвращение, которого они в глубине души, быть может, скорее страшатся, чем желают.

Тяжело читать записи тех дней. Погода все ухудшается, зима наступила раньше обычного, рыхлый снег под подошвами смерзается в опасные ловушки, в которых застревает нога, мороз изнуряет усталое тело. Поэтому так велика их радость каждый раз, когда после многодневных блужданий они добиваются до склада; вспыхнувший огонек надежды звучит в их словах. И ничто не говорит красноречивее о героизме этих людей, затерянных в необъятном одиночестве, чем то, что Уилсон даже здесь, на волосок от смерти, неустанно продолжает свои научные наблюдения и к необходимому грузу своих нарт прибавил шестнадцать килограммов редких минеральных пород.

Но мало-помалу человеческое мужество отстывает перед натиском природы, которая беспощадно, с тысячелетиями закаленной силой обрушивается на пятерых смельчаков все свои орудия уничтожения: мороз, пургу, пронизывающий ветер. Давно изранены ноги; урезанные пайки и только один раз в день принимаемая горячая пища уже не могут поддержать их силы. С ужасом замечают товарищи, что Эванс, самый сильный, внезапно начинает вести себя очень странно. Он отстает от них, беспрестанно жалуется на действительные и воображаемые страдания; из его невнятных речей они заключают, что несчастный, вследствие ли падения, или не выдержав мук, лишился рассудка. Что же делать? Бросить его в ледяной пустыне? Но, с другой стороны, им необходимо как можно скорее добраться до склада, иначе... Скотт не решается начертать это слово. В час ночи 17 февраля несчастный Эванс умирает на расстоянии однодневного перехода от того «Лагеря бойни», где они впервые могут насытиться благодаря убитым месяц тому назад лошадям.

Вчетвером они продолжают поход, но злой рок преследует их; ближайший склад приносит горькое разочарование: там слишком мало керосина, а это значит, что нужно скупно расходовать горючее – самое насущное, единственно верное оружие против мороза. После ледяной вьюжной ночи они просыпаются, обессиленные, и, с трудом поднявшись, тащатся дальше; у одного из них, Отса, отморожены пальцы ног. Ветер становится все резче, и 2 марта на очередном складе их снова ждет жестокое разочарование: снова слишком мало горючего.

Теперь уже страх слышится в записях Скотта. Видно, как он пытается подавить его, но сквозь нарочитое спокойствие то и дело прорывается вопль отчаяния: «Так дальше продолжаться не может», или: «Да хранит нас Бог! Силы наши на исходе!», или: «Игра наша кончается трагически», и наконец: «Придет ли Провидение нам на помощь? От людей нам больше нечего ждать». Но они тащатся дальше и дальше, без надежды, стиснув зубы. Отс все сильнее отстает, он обуза для своих друзей. При полуденной температуре в 42 градуса они вынуждены замедлить шаг, и несчастный знает, что он может стать причиной их гибели. Путники уже готовы к худшему. Уилсон выдает каждому по десять таблеток морфия, чтобы, в случае необ-

ходимости, ускорить конец. Еще один день они пытаются вести с собой больного. К вечеру он сам требует, чтобы его оставили в спальном мешке и не связывали свою судьбу с его судьбой. Все решительно отказываются, хотя отдают себе полный отчет в том, что это принесло бы им облегчение. Еще несколько километров Отс тащится на отмороженных ногах до стоянки, где они проводят ночь. Утром они выглядывают из палатки: свирепо бушует пурга.

Внезапно Отс подымается. «Я выйду на минутку, – говорит он друзьям. – Может быть, немного побуду снаружи». Их охватывает дрожь, каждый понимает, что значит эта прогулка. Но никто не решается удержать его хоть словом. Никто не решается протянуть ему руку на прощанье, все благоговейно молчат, ибо знают, что Лоуренс Отс, ротмистр Эннискилленского драгунского полка, героически идет навстречу смерти.

Трое усталых, обессиленных людей тащатся дальше по бесконечной железно-ледяной пустыне. У них нет уже ни сил, ни надежды, только инстинкт самосохранения еще заставляет их передвигать ноги. Все грознее бушует непогода, на каждом складе новое разочарование: мало керосина, мало тепла. 21 марта они всего в двадцати километрах от склада, но ветер дует с такой убийственной силой, что они не могут выйти из палатки. Каждый вечер они надеются, что утром сумеют достигнуть цели, между тем припасы убывают и с ними – последняя надежда. Горючего больше нет, а термометр показывает сорок градусов ниже нуля. Все кончено: перед ними выбор – замерзнуть или умереть от голода. Восемь дней борются трое людей с неотвратимой смертью в тесной палатке, среди безмолвия первобытного мира. 29-го они приходят к убеждению, что уже никакое чудо спасти их не может. Они решают ни на шаг не приближаться к грядущему року и принять смерть гордо, как принимали все, выпавшее им на долю. Они забираются в свои спальные мешки, и ни единый вздох не поведал миру об их предсмертных муках.

Письма умирающего

В эти минуты, наедине с незримой, но столь близкой смертью, капитан Скотт вспоминает все узы, связывавшие его с жизнью. Среди ледяного безмолвия, которого от века не нарушал человеческий голос, в часы, когда ветер яростно треплет тонкие стены палатки, он проникается сознанием общности со своей нацией и всем человечеством. Перед его взором в этой белой пустыне, словно марево, возникают образы тех, кто был связан с ним узами любви, верности, дружбы, и он обращает к ним свое слово. Коченеющими пальцами капитан Скотт пишет, в смертный час пишет письма всем живым, которых он любит.

Удивительные письма! Все мелкое исчезло в них от могучего дыхания близкой смерти, и кажется, что они наполнены кристально чистым воздухом пустынного неба. Они обращены к людям, но говорят всему человечеству. Они написаны для своего времени, но говорят для вечности.

Он пишет жене. Он заклинает ее беречь сына – его драгоценнейшее наследие, – просит предостеречь его от вялости и лени и, совершив один из величайших подвигов мировой истории, сознается: «Ты ведь знаешь, я должен был заставлять себя быть деятельным, – у меня всегда была склонность к лени». На краю гибели он не раскаивается в своем решении, напротив – одобряет его: «Как много мог бы я рассказать тебе об этом путешествии! И насколько это все же лучше, чем сидеть дома, среди всяческих удобств».

Он пишет женам и матерям своих спутников, погибших вместе с ним, свидетельствуя об их доблести. На смертном одре он утешает семьи своих товарищей по несчастью, внушая им собственную вдохновенную и уже неземную веру в величие и славу их героической гибели.

Он пишет друзьям – со всей скромностью по отношению к себе, но преисполненный гордостью за всю нацию, достойным сыном которой он чувствует себя в свой последний час. «Не знаю, был ли я способен на большое открытие, – признается он, – но наша смерть послужит доказательством тому, что мужество и стойкость еще присущи нашей нации». И те слова, которые всю жизнь не давала ему произнести мужская гордость и душевное целомудрие, эти слова теперь вырывает у него смерть. «Я не встречал человека, – пишет он своему лучшему другу, – которого бы я так любил и уважал, как Вас, но я никогда не мог Вам показать, что для меня означает Ваша дружба, потому что Вы так много давали мне, а я ничего не мог дать Вам взамен».

И он пишет последнее письмо, лучшее из всех – английскому народу. Он считает своим долгом объяснить, что в борьбе за славу Англии он погиб не по своей вине. Он перечисляет все случайные обстоятельства, ополчившиеся против него, и голосом, которому близость смерти придает неповторимый пафос, призывает всех англичан не оставлять его близких. Его последняя мысль не о своей судьбе, его последнее слово не о своей смерти, а о жизни других: «Ради Бога, позаботьтесь о наших близких». После этого – пустые листки.

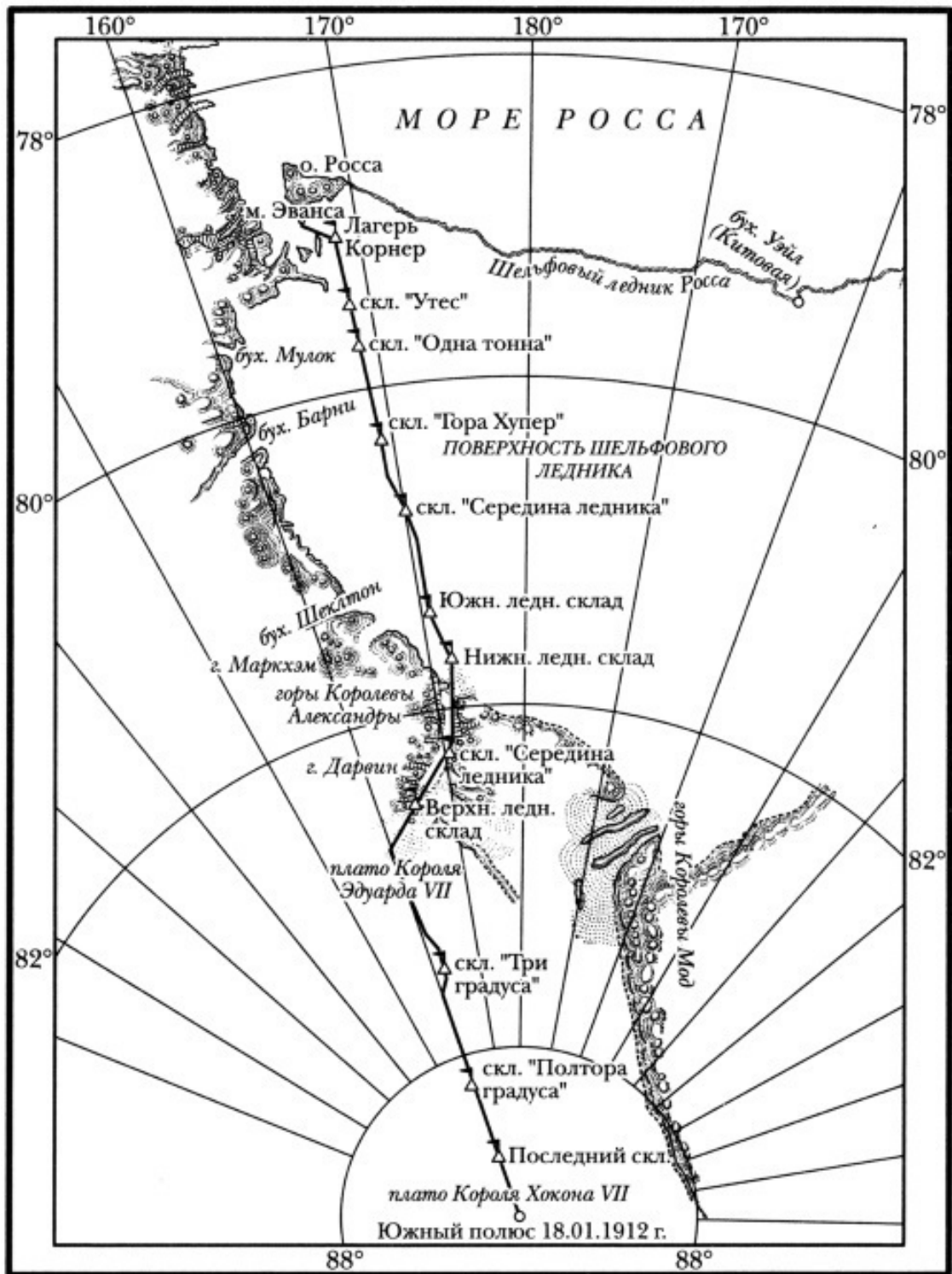
До последней минуты, пока карандаш не выскользнул из окоченевших пальцев, капитан Скотт вел свой дневник. Надежда, что у его тела найдут эти записи, свидетельствующие о мужестве английской нации, поддерживала его в этих нечеловеческих усилиях. Омертвевшей рукой ему еще удастся начертать последнюю волю: «Перешлите этот дневник моей жене!» Но в жестоком сознании грядущей смерти он вычеркивает «моей жене» и пишет сверху страшные слова: «Моей вдове».

Ответ

Неделями ждут зимовщики в бревенчатой хижине. Сначала спокойно, потом с легким беспокойством, наконец, с возрастающей тревогой. Дважды выходили на помощь экспедиции, но непогода загоняла их обратно. Всю долгую зиму проводят оставшиеся без руководства полярники на своей стоянке; предчувствие беды черной тенью ложится на сердце. В эти месяцы судьба и подвиг капитана Роберта Скотта скрыты в снегу и молчании. Лед заключил их в стеклянный гроб, и только 29 октября, с наступлением полярной весны, снаряжается экспедиция, чтобы найти хотя бы останки героев и завещанную ими весть. 12 ноября они достигают палатки; они видят замерзшие в спальных мешках тела, видят Скотта, который, умирая, братски обнял Уилсона, находят письма, документы; они передают погребению погибших героев. Простой черный крест над снеговым холмиком одиноко высится в белом просторе, где навеки похоронено живое свидетельство героического подвига.

Нет, не навеки! Неожиданно их деяния воскресают: свершилось чудо техники нашего века! Друзья привозят на родину негативы и пленки, их проявляют, и вот снова виден Скотт со своими спутниками в походе, видны картины полярной природы, которые, кроме них, созерцал один лишь Амундсен. По электрическим проводам весть о его дневнике и письмах облетает изумленный мир, английский король в соборе преклоняет колена, чувствуя память героев. Так подвиг, казавшийся напрасным, становится животворным, неудача – пламенным призывом к человечеству напрячь свои силы для достижения доселе недостижимого; доблестная смерть порождает удесятенную волю к жизни, трагическая гибель – неудержимое стремление к уходящим в бесконечность вершинам. Ибо только тщеславие тешит себя случайной удачей и легким успехом, и ничто так не возвышает душу, как смертельная схватка человека с грозными силами судьбы – эта величайшая трагедия всех времен, которую поэты создают иногда, а жизнь – тысячи и тысячи раз.

С. Цвейг

Глава I По бурным морям

Последние приготовления в Новой Зеландии

Первые три недели ноября пролетели так быстро, что я не мог заниматься своим дневником и теперь должен восстанавливать его лишь по памяти.

Даты тут не имеют значения, но в течение всего этого периода офицеры и команда неустанно работали.

По прибытии с судна были выгружены все грузы береговой партии, включая постройки, сани и т. п. Пять дней оно простояло в доке. Боуэрс подверг тщательному осмотру и сортировке все запасы и освободил много места, выгрузив тару и сложив содержимое ящиков в лазарет. Наш приятель Миллер в это время осмотрел течь в судне и проследил ее до кормы. Он нашел трещину в фалстеме. В одном случае отверстие, проделанное для сквозного стержня, оказалось слишком велико для болта. Миллер сумел преодолеть это затруднение, и когда судно спустили на воду и нагрузили, то течь чрезвычайно уменьшилась. Хотя она все же существовала, но была лишь немного больше той, какую всегда можно ожидать в старом деревянном судне.

Струя воды, которая была видна и слышна на корме, совершенно остановлена. Без паров течь можно удерживать посредством ручной помпы, качая два раза в день по четверти часа или двадцати минут. Но в сильно нагруженном состоянии судна, как в настоящее время, для этого понадобится от трех до четырех часов ежедневной работы насосом.

Прежде чем судно вышло из дока, Боуэрс и Уайт вместе с частью грузчиков снова пересмотрели под навесом все запасы береговой партии. По-видимому, все шло без всякой заминки. Покупки, сделанные в Новой Зеландии, и полученные там подарки – масло, сыр, копченые окорока, грудинка, языки, мясные консервы – были собраны и оприходованы.

Одновременно на обширном пространстве гавани соорудили постройки. Все было снова пересмотрено, рассортировано и помечено, чтобы не произошло никаких затруднений при сборке на месте. Наш превосходный плотник Дэвис, Форд, Эббот и Кэохэйн – все участвовали в этой работе. Была воздвигнута большая зеленая палатка и сделаны для нее стойки.

Когда судно вышло из дока, на палубе закипела работа. Офицеры и команда с частью грузчиков занялись погрузкой судна. Люди Миллера строили стойла для лошадей, убрали палубу, укрепляли палубные надстройки и приводили все в порядок. В машинном отделении работала команда Андерсена; ученые занимались организацией своих лабораторий, а повар – устройством камбуза и т. д. На судне не находилось местечка, которое не было бы занято рабочими.

Мы готовились произвести погрузку следующим образом: в главном трюме укладывались все припасы береговой партии и части домов. Над этим сверху, на главной палубе, чрезвычайно тесно были уложены лесоматериалы, оставшиеся от домов, сани и всякое походное снаряжение, а также более крупные инструменты и машины, употребляемые для научных наблюдений. Все это сильно урезало пространство, предназначенное для людей, но размеры его были определены ими самими. Люди передавали через Эванса, что просят не принимать их в расчет и готовы стеснить себя насколько возможно. Несколько меньше кубических футов свободного пространства не имеет значения для них, говорили они. Пространство, отведенное людям, простирается от носового люка до штевня на главной палубе.

Под баком помещаются стойла для пятнадцати лошадей – максимум того, что можно было им отвести; спереди узкая, неправильной формы часть этого пространства набивается фуражом.

Прямо позади переборки бака находится маленький люк, служащий входом в обеденное помещение команды в бурную погоду. Далее идет фок-мачта, а между нею и передним люком – камбуз и шпиль. С левой стороны переднего люка помещается очень крепкая деревянная постройка – стойла для четырех лошадей.

Позади носового люка находится холодильник. Он набит тремя тоннами льда. Туда положены 162 бараньи, три говяжьи туши и несколько жестянок со сладким мясом и почками. Туши уложены рядами, и между ними проложены деревянные доски. Такой порядок очень удобен, и я твердо надеюсь, что мы будем иметь всю зиму свежую баранину.

С каждой стороны главного люка и непосредственно примыкая к холодильнику помещены двое из наших трех моторных саней. Третьи сани стоят поперек кормы, там, где раньше помещалась лебедка. Впереди этого места устроен склад баков с керосином. Другой такой склад, покрытый сверху кипами фуража, находится между главным люком и грот-мачтой. Кроме того, ящики с керосином, парафином и спиртом расставлены вдоль всех проходов.

Мы запаслись 405 тоннами угля в бункерах и главном трюме, 25 тонн сложены в пространстве, оставленном в переднем трюме, и несколько больше 30 тонн на верхней палубе. Мешки с этим углем, вдобавок к тем предметам, о которых мы уже упоминали, составляют очень уж тяжелый палубный груз, и опасения за него вполне естественны. Но все, что можно было сделать для его укрепления и безопасности, было сделано.

Сумятицу на палубе завершают наши 33 собаки, привязанные цепями к стойкам и болтам на холодильнике и главном люке между моторными санями.

Со всем этим грузом на борту судно все-таки сидит на два дюйма выше грузовой марки. Резервуары наполнены прессованным фуражом, за исключением одного, содержащего 12 тонн пресной воды – количества, достаточного, как я надеюсь, на тот промежуток времени, когда мы дойдем до льдов.

Что касается фуража, то я первоначально заказал в Мельбурне 30 тонн прессованного овсяного сена, но Отс постепенно убедил нас, что этого корма далеко не достаточно, и количество сена для наших лошадей увеличилось до 45 тонн, кроме 3 или 4 тонн для немедленного употребления. Излишек состоит из 5 тонн сена, 5 или 6 тонн жмыхов, 4 или 5 тонн отрубей и некоторого количества дробленого овса. Мы совершенно не берем с собой зерна.

Мы ухитрились всюду насовать собачьих сухарей; общий вес их около 5 тонн. Мирз противится кормежке собак тюленьим мясом, но я думаю, что нам придется так поступать в течение зимы.

Мы остановились у Кинсеев в их доме «Те Ном» в Клифтоне. Дом этот стоит на краю утеса, поднимающегося на 400 футов над морем. Оттуда вид открывается далеко на равнины Крайстчерча и на северный берег, ограничивающий их.

Если взглянуть прямо вниз, то видна гавань и извилистые устья двух маленьких речек, Эйвона и Уаимакарири. Вдали высятся горы, постоянно изменяющие свой вид, а еще дальше за северным изгибом моря можно видеть в ясную погоду красивые, покрытые снегом пики Канкура. Это чарующее зрелище. Такой вид, когда любишься им из какого-нибудь защищенного от солнца уголка в саду, пылающего массой красных и золотистых цветов, порождает в душе чувство неизъяснимого удовлетворения всем окружающим. Ночью мы спали в этом саду под спокойным ясным небом. Днем я отправлялся в свою канцелярию в Крайстчерче, заходил на судно или на остров и возвращался домой по горной дороге над Порт-Хиллзом. Приятно вспоминать эти прогулки, они мне давали досуг для многих необходимых совещаний с Кинсеем. Он чрезвычайно интересовался экспедицией. Такой интерес со стороны чисто делового человека является и для меня преимуществом, которым я не замедлил воспользоваться. Кин-

сей будет моим агентом в Крайстчерче во время моего отсутствия. Я дал ему обычные полномочия своего поверенного и полагаю, что снабдил его всеми необходимыми сведениями. Его доброта к нам была выше всякой похвалы.

Выход в море

Суббота, 26 ноября. Мы назначили отплытие на 3 ч пополудни, и за три минуты до этого часа «Терра Нова» отошла от пристани. Собралась масса народа. Кинсей и я завтракали с друзьями на судне Новозеландской компании «Ruapehu» (Кинсей, Энслей, Артур и Джордж Родс, сэр Джордж Клиффорд и др.) и затем проводили «Терра Нова» до мыса, пройдя «Кэمبرиэн» («Cambrian»), единственный находившийся тут военный корабль. Мы возвратились на портовом буксире. Два других буксирных судна, а также бесчисленное множество лодок следовали за уходившим судном. Киноаппарат усердно работал. Мы прошли по холмам в Сумнер. Видели «Терра Нова». Она казалась маленькой точкой на северо-востоке.

Понедельник, 28 ноября. В 8 ч я захватил экспресс, шедший в Порт-Чалмерс. Кинсей проводил нас. Уилсон присоединился в поезде. Родс встретил нас в Тимару. Получил телеграмму, в которой сообщалось, что «Терра Нова» прибыла в воскресенье вечером. Приехал в Порт-Чалмерс в 4 ч 30 м. Нашел все в порядке.

Вторник, 29 ноября. Видел в городе Фенвика по поводу «Central News». Благодарил Глендинга за прекрасные подарки (130 серых фуфаек). Отправился в ратушу, чтобы повидать городского голову. На корабле все благополучно.

Мы покинули пристань в 2 ч 30 м. Яркое солнце, веселый вид. Мелких судов провожало нас несколько больше, чем в Литтелтоне. Миссис Уилсон, миссис Эванс и Кинсей оставили нас и вернулись назад на портовом буксире. Другие буксиры следовали дальше с резервной канонеркой. Около 4 ч 30 м все покинули нас. Пеннел проверил компас, и корабль двинулся полным ходом.

Вечер. Неясные очертания земли. Мерцает маяк на мысе Саундерс.

Среда, 30 ноября, полдень. Пройдено 110 миль. Весь день дул легкий ветерок с севера, усиливающийся к ночи и повернувший к северо-западу. Яркое солнце. Корабль качает на юго-западном волнении. Все бодры, за исключением одного или двух, страдающих от качки.

Мы идем вперед и легко скользим по волнам, но сжигаем уголь. По сообщению, в восемь утра сожгли за сутки уже 8 тонн.

Четверг, 1 декабря. Месяц начинается довольно хорошо. В течение ночи ветер усилился; мы ускорили ход до 8, 9 и 9,5 узла. Свежий северо-западный ветер и беспокойное море. Проснулся от сильного волнения.

Судно при этих условиях представляет любопытный, но не особенно приятный вид.

Внизу все так плотно заставлено и упаковано, как только способен ухитриться человек. А на палубе!.. Под баком стоят пятнадцать лошадей бок о бок, мордой к морде, семь с одной стороны, восемь с другой, а в проходе между ними – конюх; и все это качается, качается, качается непрерывно, повинувшись неправильному, ныряющему движению судна.

Если заглянуть в отверстие, оставленное в переборке, видишь ряд голов с грустными, терпеливыми глазами, наклоняющихся вперед со стороны правого борта, тогда как противоположный ряд откидывается назад; затем наклоняется левый ряд голов, а правый откидывается. Должно быть пыткой для бедных животных выносить день за днем по целым неделям такую качку. В самом деле, хотя они продолжают исправно есть, но от постоянного напряжения теряют вес и вообще хиреют. Все же об их ощущениях нельзя судить по нашей мерке. Есть лошади, которые никогда не ложатся, и все лошади могут спать стоя; у них в каждой ноге есть связка, которая поддерживает их вес, не напрягая чрезмерно их силы. Даже наши бедные животные ухитряются отдыхать и спать, невзирая на ужасную качку. Полагается им 4 или 5

тонн корма, и наш вечно бдительный Антон убирает с бака остаток. Он сильно страдает от морской болезни, но прошлой ночью курил сигару. Немного затынулся, затем наступил перерыв вследствие рвоты, но все-таки он вернулся к своей сигаре и, потирая живот, заметил Отсу: «Нехорошо». Ну, не молодчина ли этот Антон!..

Помещающиеся у переднего подветренного люка четыре лошади защищены брезентами, и им вообще, пожалуй, лучше, чем их товарищам. За холодильником, по обе стороны главного люка, в двух громадных ящиках стоят моторные сани; ящики эти 16 г 5 г 4 поставлены на несколько дюймов выше палубы и занимают ужасно много места. Третьи сани стоят поперек кормы, где раньше помещалась задняя лебедка. Все эти ящики покрыты грубым брезентом и прикреплены толстыми цепями и канатами, так что неподвижность их вполне обеспечена.

Керосин для саней хранится в жестянках и баках, упакованных в крепкие ящики, установленные в ряд, поперек палубы перед самым ютом и рядом с моторными санями. Керосина взято 2,5 тонны, и он занимает порядочно места.

Вокруг этих ящиков, от камбуза до руля, палуба завалена мешками с углем, составляющими палубный запас, – быстро, впрочем, убывающий.

Мы вышли из Порт-Чалмерса, имея на корабле 462 тонны угля. Это было больше, чем я рассчитывал, и все-таки грузовая марка была на 3 дюйма выше уровня воды. Корабль сидел кормой фута на два глубже, но это скоро должно измениться.

На мешках с углем, на санях, в пространстве между ними и на холодильнике размещаются собаки – всего 33. Их поневоле приходится держать на цепи; они пользуются прикрытием, насколько возможно на палубе, но положение их незавидное. Волны беспрестанно разбиваются о наветренный борт и рассыпаются тяжелым дождем брызг. Собаки сидят, повернувшись хвостами к потокам воды, и вода бежит с них струями. Жаль смотреть, как они ежатся от холода, и вся их поза выражает страдание; иной раз та или другая бедняжка жалобно взвизгивает. Вся группа представляет печальную, унылую картину. Поистине тяжелая жизнь у этих бедных созданий!

Мы кое-как ухитряемся все усесться за столом в кают-компании, хотя нас 24 офицера. Двое или трое обыкновенно бывают на вахте, а все же тесно. Стол у нас очень простой. Замечательно, как наши два буфетчика, Хупер и Нилд, умудряются со всем справляться: посуду вымоют, каюты приберут, всегда и везде готовы услужить и при этом неизменно веселы и приветливы.

При таком большом составе команды, по девяти матросов на каждую вахту, управлять судном легко. У Мирза и Отса свои помощники для ухода за собаками и лошадьми; но в такую ночь, как прошедшая, целая компания добровольцев не спит и проявляет трогательное усердие. Одни готовы помочь управиться с лошадьми и собаками в случае каких-либо осложнений; другие вызываются ставить или убирать паруса или наполнять ящики углем из палубного запаса.

Больше всех от морской болезни страдает, кажется, Пристли. Другие, которым не многим лучше, имеют уже некоторый опыт: им качка не впервые. Понтинг видеть не может пищи, но работы не прерывает. Мне рассказывали, что на пути в Порт-Чалмерс он ставил несколько групп перед кинематографическим аппаратом, хотя неоднократно должен был отходить к борту. Вчера он проявлял пластинки, держа ванночку для них в одной руке и обыкновенный таз в другой!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.